

ГЛАВА I

ЛОНДОН,
НОЯБРЬ 1852 ГОДА

— Хорошо, что вы все же меня вызвали, — сказала я. — Сомнений нет: в этом доме обитает дух.

Все сокрушенные горем лица повернулись ко мне. Я стояла на пороге гостиной, сжимая ручки саквояжа. В глубине комнаты пылал очаг, мебель щеголяла богатой обивкой, но ощущения уюта не возникало. Плотные шторы были задернуты, и помещение окутывал мрак. Траурные букеты уже начали увядать, но все еще сильно пахли, насыщая воздух затхлой скорбью.

Глава семейства, миссис Хартфорд, сидела у затейливо отделанного камина. Пламя мерцало, отбрасывая тени, что растягивались по стенам и сплетались призрачными узорами. Лицо хозяйки дома скрывала черная вуаль, оставляя на виду лишь подбородок. Даже с моего места можно было разглядеть на нем несколько клочков белых волос. Как сказала бы мисс Крейн, ну прямо сердитый козленок из старой сказки.

На другом конце комнаты, на краешке канapé, прилегла дама помоложе, подол ее шелкового платья касался пола. Разглядывая меня, женщина наматывала на палец длинную нить жемчуга, что было весьма неосторожно,

однако в ее распоряжении наверняка имелось не одно жемчужное ожерелье.

Увидев меня, с места поднялись два джентльмена. В комнате стояла такая тишина, что стало слышно, как хрустнуло чье-то колено. У мужчины повыше был внушительный живот и густые седые усы. Второй, заметно моложе, был строен и привлекателен, элегантный сюртук сидел мешком на его худощавой фигуре. Мне показалось, мы примерно одного возраста. Я кивнула ему, он потушился и принялся разглядывать пол.

Хорошо.

Слуга подал мою карточку миссис Хартфорд на маленьком серебряном подносе. Та взяла ее длинными пальцами и приблизила к глазам. В свете камина сверкнули кольцо с драгоценным камнем и браслет к нему в пару.

Я крепче сжала ручки саквояжа. Это последний раз, твердо пообещала я себе. Мне представилась комната: кровать с теплым одеялом, на столе — горячий чайник с чаем, а дверь заперта на замок, ключ от которого есть только у меня одной.

Последний раз, и больше никогда этого делать не придется.

— Эсмеральда Хаутон, — прочла миссис Хартфорд, и от ее дыхания приподнялась вуаль. — Спирит и медиум.

Я быстро присела в реверансе. Хозяйка дома вернула мою карточку на поднос и перевела взгляд на портрет, что висел над камином. Словно по команде, остальные члены семьи повернули головы туда же.

Мистер Хартфорд, догадалась я. Полотно изображало серьезного господина с седыми волосами и статной осанкой. Однако смотрел он не на художника, а куда-то

в сторону, отчего казалось, будто он глядит вам за плечо. Так и подмывало обернуться и проверить, нет ли там того, кто привлек его внимание.

— Может, уже начнем? — поторопил пожилой джентльмен, взглянув на карманные часы и причмокнув губами.

Многое можно понять о мертвых по тому, как их оплакивают близкие. В сей благородный дом меня позвали по единственной причине, однако, как я подозревала, не для последнего слезного прощания. Но это не важно: и скорбящие, и алчные исправно платят за спиритический сеанс.

Я подошла к круглому столу в центре комнаты. Сняла перчатки, открыла саквояж и принялась доставать принадлежности, раскладывая их, как уже проделывала множество раз. Пока я готовилась, позади слышались шепотки. Я уловила несколько фраз.

— Точно получится?

— Это не опасно?

— Ей можно доверять?

Я выпрямилась, набрала в грудь воздуха и протянула руку.

— Воды, — сказала я, стараясь не показывать выпуклость на левой щеке. В руку тут же лег хрустальный бокал. Слишком изящный для повседневного обихода — какое расточительство. За него наверняка можно было выручить столько, что хватило бы на месяц оплаты за комнату у мисс Крейн и еще осталось бы на новые ботинки взамен моих поношенных — из блестящей кожи, с высокими каблуками, защищающими от луж. Я бережно поставила бокал на стол, отмечая свое место.

— Подходите, — пригласила я остальных.

Сухопарая миссис Хартфорд первой устроилась напротив меня. Затем расселись и прочие члены семьи. Юноша присоединился к нам последним. На лбу у него выступили капельки пота. Пожилой господин и дама по-младше обменялись понимающими взглядами.

Перед каждым я поставила по зажженной свече, накрытой стеклянной колбой, чтобы защитить пламя от любых колебаний воздуха. А напоследок положила на середину стола пустой бархатный мешочек.

— Никаких драгоценностей, — строго предупредила я, указав на него.

Молодая дама не колебалась. Более того, ее глаза сияли, пока она складывала в мешочек одно за другим свои украшения: жемчужное ожерелье, подходящие к нему серьги и простой серебряный браслет. Миссис Хартфорд медленно повернула кольцо у себя на пальце.

— Пожалуйста, мама, — попросила ее дочь. — Металл может препятствовать общению с духом. А нам обязательно нужно поговорить с отцом!

Я по очереди погасила все масляные лампы в гостиной, и теперь свет исходил лишь от моих свечей и камина. Отблески падали на острые черты собравшихся, все прочее окутывала тень. Пространство будто сразу стало более тесным, камерным.

Я заняла свое место между двумя джентльменами. Посмотрела на миссис Хартфорд и указала на Книгу духов, которая лежала на столе передо мной. На потертой черной обложке не было названия, непосвященным оставалось только гадать о предназначении томика или его ценности. По сути, он представлял собой лишь несколько грифельных пластин, скрепленных внутри книжного

переплета, но с помощью этой книги я передавала скорбящим послание от любимого человека из потустороннего мира. Я задумчиво погладила обложку, будто домашнего питомца, а потом с большой осторожностью открыла книгу. Ладонь плавным, отработанным движением скользнула по пустой поверхности.

— Ваше послание? — подсказала я.

Из отворота рукава миссис Хартфорд вынула листок бумаги. Ее рука потянулась через стол, но остановилась и зависла над книгой. Я заметила, что кольцо и браслет хозяйка дома все-таки сняла. Мне стоило больших усилий сдерживать улыбку.

Пожилой джентльмен рядом со мной напрягся.

— Медлить ни к чему, дорогая сестра, — сказал он. — Мы испробовали все возможные способы. У нас остался последний шанс. — Под конец он попытался смягчить просьбу, которая смахивала на скверно замаскированное требование. Однако никто его не упрекнул. Напротив, все присутствующие пригвоздили миссис Хартфорд к месту нетерпеливыми взглядами. Атмосфера в комнате была тяжелой, словно набрякшее тучами небо перед бурей.

Наконец миссис Хартфорд уронила записку на открытую грифельную дощечку. Я бережно закрыла книгу, зажав листок между пластинами.

Опустив ладонь на обложку, я вздохнула, словно передавала с молитвой послание. Затем откинулась на спинку стула, оставив книгу посреди стола. Взяла хрустальный бокал, набрала в рот воды и, немного подержав ее, проглотила.

— Возьмитесь за руки, — наконец сказала я, опустив ладони на стол.

Миссис Хартфорд резко выдохнула, когда я обнаженной, без перчатки, рукой стиснула ладонь ее брата. Но я не изменила выражения лица, даже когда юноша нежно сжал мою другую руку.

— Может, нам следует закрыть глаза? — спросила дочь. Костяшки ее пальцев почти побелели.

— Нет, — ответила я несколько приглушенно, потому что щека у меня раздулась: от недавнего глотка воды содержимое быстро разбухало, но, похоже, никто этого не заметил.

Я смотрела на свечу перед собой и дышала носом. Наконец по краям поля зрения все померкло, осталось единственное пятно света.

И тогда я начала.

— О, дражайший Артур Хартфорд! Мы приносим вам дар любви от всего сердца, чтобы дотянуться до вас в посмертии. Свяжитесь же с нами и проявитесь среди нас!

Я повторила эти слова еще раз. Ладонь юноши в моей руке взмокла. Внезапно в груди у меня что-то сжалось.

— Он здесь! — торжественно объявила я и уронила голову набок, прижав ее к плечу. Дочь всхлипнула. — Покажитесь! — велела я.

Из центра стола явственно донеслось три стука. Все дружно ахнули и едва не разрушили круг.

Я не отводила взгляда от свечи.

— С кем вы желаете поговорить? — спросила я.

Тишина.

Краем глаза я заметила, что дверь гостиной бесшумно приоткрылась.

Я повторила вопрос:

— С кем вы желаете...

Миссис Хартфорд испуганно вскрикнула: ее свеча погасла. Из защитной колбы устремилась вверх струйка дыма.

— Мама! Он здесь! Спрашивай скорее.

Миссис Хартфорд таращилась на свою погасшую свечу.

— Проверьте книгу! — Пожилой джентльмен отпустил мою руку и потянулся к центру стола.

Я резко подняла голову. В груди моей зародилось приглушенное рычание.

— Ты с-с-слома! круг! — заикаясь, выдавил юноша. Лицо молодого человека побледнело и сравнялось цветом с его отглаженной белой рубашкой.

Рычание стало громче, горло обожгло. Губы приоткрылись, и на колени мне выплеснулся сгусток эктоплазмы¹. Меня швырнуло вперед, и я едва не разбила голову об край стола. Спустя некоторое время я выпрямилась, хватая ртом воздух. Дамы по-прежнему держались за руки, взирая на меня с восхищением и отвращением одновременно. Как я и предполагала, они и впрямь оказались не из тех, кто бросится на помощь. Что ж, пусть дальше продолжают на меня сконфуженно таращиться, пока я прихожу в себя.

— С вами все хорошо? — Юноша протянул мне бокал с водой. Трясущейся рукой я поднесла его к губам и опустошила. Затем взяла книгу. Все четверо родственников покойного нетерпеливо подались вперед; я приподняла обложку и очень медленно ее открыла. Записка

---

¹ В оккультизме и парапсихологии — некая вязкая субстанция, которую выделяет организм медиума во время или после общения с духами, так называемое проявление материализации призраков в пространстве.

исчезла, вместо нее на грифельной доске было нацарапано послание.

Юноша склонил голову набок, чтобы разобрать строки.

— «Ныне я пребываю в покое», — прочел он.

— Не понимаю, — вмешалась дочь. — Мама, что ты у него спрашивала?

Старик недовольно фыркнул.

— А как же ключ? Он должен был рассказать нам, где спрятал ключ! — Постепенно недоумение на его лице сменилось гневом. Он возмущенно наставил на меня палец. — Вы... — начал он.

Я выдержала его взгляд и про себя досчитала до трех. Мне и раньше приходилось иметь дело со скептиками, кроме того, я еще не закончила.

— С кем вы хотите поговорить? — На сей раз погасла свеча старика.

— Храни нас Господь... — взмолилась дочь. Теперь и ее свеча испустила дымок.

Дыхание призрака задуло оставшиеся свечи, и в гостиной воцарился почти кромешный мрак. Крики эхом отдавались от стен.

— Быстрее! Откройте шторы! — закричал кто-то.

Один из стульев опрокинулся, увлекая за собой сидевшего на нем. Я сцапала бархатный мешочек, встала и, отодвинув с дороги чью-то худощавую фигуру, направилась к полоске света, проникающего из приоткрытой двери гостиной. Позади раздался вскрик юноши. Только он из всего семейства проявил ко мне каплю доброты. Что ж, будет ему наука. Ни одно доброе дело не остается безнаказанным.

Я выскочила в коридор и увидела дверь для прислуги. Толкнула створку, помчалась вниз по лестнице и ворвалась

на кухню. Служанки удивленно воззрились на меня, но я бросилась мимо них к двери черного хода.

— Ох! — Я с размаху врзалась в чью-то грудь в синем мундире.

— Ну что, мисс Тиммонс? — самодовольно спросил фараон. Я мгновенно узнала черную бороду и такие же угольные глаза. Под давно не стриженными усами поблескивала ухмылка.

— Констебль Ригби! — буркнула я.

Он вырвал у меня из рук мешочек.

— Давайте-ка вас от этого избавим, благодарю покорно.

У второго полисмена уже были наготове наручники, так что он с превеликим удовольствием защелкнул их у меня на запястьях.

— И даже не помышляйте вытаскивать шпильки из своей хорошенькой прически, — предупредил констебль Ригби. — Замки наручников защищены от взлома.

Я помалкивала, зная, что подобной защиты не существует — по крайней мере, для меня. Но эта подлая засада меня потрясла. Как же они пронюхали, где я буду?

На лестнице загрохотали чьи-то шаги.

— О, хвала небесам... — запыхаясь, выпалила дочь миссис Хартфорд. — Офицер...

В знак приветствия он приподнял шляпу и открыл бархатный мешочек, показывая ей содержимое.

— Полагаю, это ваше, — сказал Ригби.

Она посмотрела на украшения и фыркнула — то ли смутившись, то ли разозлившись, — не хотела признавать, что ее обвели вокруг пальца.

Констебль Ригби, чрезвычайно довольный, улыбнулся.

— Весь Лондон ее ищет, — заявил он. — Скользкая, будто угорь.

— Обыкновенная шарлатанка, — усмехнулась дочь миссис Хартфорд, протягивая ему мою визитку.

Услышав это, я только глаза закатила. Шарлатанка? Ну да. Но обыкновенная — едва ли.

Ригби взглянул на карточку и ухмыльнулся.

— Эсмеральда Хаутон?

Всю ночь в своей крошечной комнатке я трудилась над этой карточкой, стараясь, чтобы чернила к утру высохли. Я присвоила множество имен, и это мне нравилось больше всех. Меня вдохновила на него героиня «Собора Парижской Богоматери», моей любимой книги. Моей единственной книги.

Дочь миссис Хартфорд пристально воззрилась на меня и сморщила нос, будто учуяла в рыбной лавке протухшего карпа. Мерзкое предвкушение на ее лице сменилось злорадством. Мне не стоило оскорбляться — с самого начала было ясно, что они терпят мое присутствие в своем доме лишь из необходимости. Но я-то хотя бы развлекалась, а она всего пять минут назад истово мне верила.

— Немедленно уведите отсюда эту мошенницу, — велела она.

Такое вопиющее лицемерие стало последней каплей.

— Если вы сочли меня мошенницей, тогда, полагаю, вас не интересует, что сообщил мне призрак вашего отца.

Она фыркнула, но с места не сдвинулась.

— Стоило вашей свече погаснуть, как он тихонько сообщил кое-что мне на ухо, — прошептала я, подавшись к ней.

— И что он сказал? — осведомилась мисс Хартфорд, потянувшись рукой к нитке жемчуга, которой у нее на шее больше не было. И тут я поняла, что она попалась.

В памяти всплыло слово.

— Камин, — выпалила я.

Ее брови сошлись в одну линию.

Констебль Ригби грубо оттащил меня в сторону.

— Не дайте себя одурачить, — сказал он дочери миссис Хартфорд. — Ей соврать — все равно что дышать. Вашей семье повезло. Завтра прочтете о ней в газетах. Это у нас Женевьева Тиммонс, которую разыскивают за воровство, грабеж и... убийство.

Мисс Хартфорд побледнела и отскочила на несколько шагов. К этому времени вся кухонная прислуга и остальные члены семейства Хартфорд успели сгрудиться у нее за спиной и стали свидетелями представления.

Констебль Ригби крепче сжал мою руку, склонился ближе, и я учуяла запах копченой селедки, которую он ел на обед.

— Теперь не улизнешь, склизкий угорь, — прошипел он мне в ухо. — Теперь-то тебя повесят, уж я прослежу!

Я молчала, пока полисмены вели меня к тюремной повозке, что дожидалась у края мостовой. Сказать в свою защиту мне было нечего. Ригби сказал обо мне чистую правду.